

УДК 159.9.072

Волкова В.В.*(г. Санкт-Петербург)*

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ВИКТИМНОСТИ ЖЕНЩИН – КЛИЕНТОК КРИЗИСНОГО ЦЕНТРА

Аннотация. В статье обосновывается актуальность изучения личностных особенностей женщин, неоднократно обращающихся за социально-психологической помощью в кризисный центр вследствие пережитого семейного насилия. Раскрываются понятия виктимность, виктимизация, виктимное поведение. Сделан акцент на личностной обусловленности виктимного поведения, которое в большинстве случаев определяет динамику развития и трагический исход конфликтов в супружеской диаде.

Изложены результаты оригинального эмпирического исследования личностных особенностей женщин – клиентов психолога-консультанта кризисного центра с запросом о помощи в ситуациях семейного насилия с целью разработки и внедрения специальных техник превентивной работы, направленной на коррекцию общего уровня виктимности личности, технологий социально-психологической поддержки и реабилитации в условиях кризисных центров.

Ключевые слова: жертва, виктимность, виктимизация, виктимное поведение, семейное насилие, кризисный центр.

V. Volkova*(Saint Petersburg)*

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF INDIVIDUAL VICTIMITY OF WOMEN-CLIENTS OF CRISIS CENTERS

Abstract. The article substantiates the relevance of the study of personal characteristics of women repeatedly seeking psychological help in crisis centers in situations of spousal abuse. The notion of concepts "victimity", "victimize", "victim-type behavior" is revealed. Special emphasis is made on the fact that victim-type behavior is determined by personal characteristics. It is stated that in most cases it predetermines the dynamics of conflict development and tragic outcome in a matrimonial dyad.

The article presents the results of studying personal characteristics of women who become clients of crisis centers seeking help in situations of domestic abuse for the purpose of development and deployment of special techniques of preventive work which is aimed at correcting the general level of a person's victimity, technologies of social and psychological support and rehabilitation in crisis centers.

Key words: victim, victimity, victimization, victim-type behavior, spousal abuse, crisis center.

Актуальность поднимаемой проблемы обусловлена тем, что статистический рост аутодеструктивных форм девиантного поведения, связанного с отклонениями от норм безопасности, приобрёл масштаб национальной катастрофы. На сегодняшний день, существующая в России статистика преступлений в отношении женщин, связанных с насилием внутри семьи, труднодоступна, фрагментарна, не учитывает показатели латентной преступности, существенно превышающие официальные показатели. Тем не менее, результаты отдельных социологических исследований и данные, представленные пресс-службой департамента охраны общественного порядка МВД России (2013), свидетельствуют о том, что насилие в той или иной форме присутствует в каждой четвертой семье, две трети умышленных убийств обусловлены семейно-бытовыми мотивами, ежегодно около 14 тысяч женщин погибает от рук мужей или других близких, до 40 % всех тяжких насильственных преступлений совершается в семьях.

Не смотря на то, что за последние двадцать лет в России была проведена большая работа по противодействию насилию в отношении женщин, до сих пор отсутствует системный подход к её решению. Это связано с группой факторов. Российское законодательство по данному вопросу существенно отстает от мировой практики, которая использует комплексные законы, предусматривающие целый ряд видов правовой защиты жертвы и ответственности за отдельные виды преступлений: телесные повреждения, побои, истязания, изнасилование и т. д. Сотрудники правоохранительных органов не принимают в серьёз такие преступления и рассматривают как частный вопрос супружеских взаимоотношений и отношений между членами семьи, или как частную проблему конкретной женщины, поэтому более 70 % жертв насилия в семье не обращаются за помощью в полицию. Кроме того, «привыкание к насилию» со стороны жертвы, возведение его в культурную норму, являются главным фактором, способствующим формированию перманентного статуса взаимоотношений в супружеской диаде. Отчасти это обусловлено отличительной особенностью российского менталитета, связанной с терпимым отношением к насилию и жестокому обращению. К.А. Абульханова, рассматривая исторические и современные особенности российского менталитета, отмечает, что именно христианское принятие страдания, терпение являются ключевыми для характера русского народа [1, с. 131]. Жертвенность также признаётся одной из ведущих социальных установок в обществе, а насилие – определяющей характеристикой общественной реальности в России. В силу этого существует известное сопротивление признанию проблемы насилия как на уровне широких социальных установок, так и на уровне родительских установок в большинстве семей, что приводит к тяжёлым последствиям, детерминирующим раз-

вите деформации личности по виктимному типу, которая в большинстве случаев определяет динамику развития и трагический исход конфликтов в системе семейных взаимоотношений.

Виктимное поведение является чрезвычайно сложной формой поведения личности, детерминированной системой взаимосвязанных факторов, рассматриваемых в рамках междисциплинарных исследований, вызывающих острые дискуссии в научном сообществе. Этот вывод следует из работ зарубежных авторов, изучавших качественные и количественные параметры виктимности личности: К. Миядзавы, К. Хигути, Г. Шнайдера, Г. Клейфелера, М. Селигмана, Л. Уокер, Дж. Дуглас, Л. Мак-Клоски, Ф. Ланденбергер, Дж. Хиндман и др, а также из публикаций таких отечественных учёных, как Л.В. Франк, Д.В. Ривман, Ф. Риман, В.С. Минская, И.Г. Малкина-Пых, В.Ю. Меновщиков и др. К базовым понятиям виктимологии – одной из наук о человеке, которая изучает поведение, отклоняющееся от нормы безопасности [9, с. 37], относятся виктимность и виктимизация. Виктимность или виктимогенность – приобретённые человеком физические, психические и социальные черты и признаки, характеризующие потенциальную или актуальную способность лица стать жертвой внешних обстоятельств и активности социального окружения [5, с. 9]. Виктимизацию личности необходимо рассматривать в двух значениях: как процесс превращения в реальную жертву и как конечный совокупный результат такого процесса, в связи с этим возможен обратный процесс девиктимизации – снижения уровня виктимности с помощью своевременной превенции и коррекции неадаптивных паттернов поведения.

Следует также различать потенциальных, реальных, а также латентных (реальных, но по тем или иным причинам оставшимся вне официального учёта) жертв [5, с. 24]. Латентные жертвы – жертвы, намеренно избегающие огласки факта причинения им вреда, представляют особую группу риска в связи с формированием так называемого «синдрома избиваемой женщины» (СИЖ) [10], усугубляющего деформацию личности по виктимному типу, связанную с большим риском развития аффективной (депрессивной) патологии и злоупотребления на этом фоне алкоголем и другими психоактивными веществами.

Комплексный анализ компонентов виктимности, её форм и проявлений позволяет глубже понять социальные и психологические корни отклонений от безопасного поведения, особенности взаимодействия, провоцирующие критические и конфликтные ситуации, а также разработать методы превентивного воздействия, коррекции и реабилитации. И.Г. Малкина-Пых выделяет следующие основные компоненты виктимности, подлежащие анализу:

– ситуационный (социально-ролевой), описывающий виктимность с точки зрения соотношения виктимогенной ситуации и личностных качеств потенциальной жертвы, а также типичные реакции в конкретной виктимогенной обстановке;

– интеллектуально-волевой, описывающий характеристики сознательной, целесообразной и целеобусловленной виктимности;

– аксиологический, описывающий ценностно-ориентационные, потребностиные характеристики виктимности;

– деятельностьно-практический, описывающий типичные формы поведенческой активности типичных жертв;

– эмоционально-установочный, описывающий эмоциональные оценки и готовность к определённой реакции потенциальной жертвы;

– конституционально-биологический, описывающий основные природные детерминанты виктимности [5, с. 35].

Таким образом, индивидуальная виктимность складывается из личностного и ситуационного компонентов и усиливается за счёт наложения социальных, ролевых, гендерных характеристик жертвы на виктимные свойства личности, детерминированные различными формами виктимных девиаций и самостигматизацией.

Перечисленные проблемы определяют высокую актуальность научного исследования социально-психологических особенностей индивидуальной виктимности женщин, неоднократно обращавшихся в кризисные центры, с целью идентификации как потенциальных, так и манифестируемых качеств виктимной личности, препятствующих адекватной социально-психологической адаптации и поведению в пределах норм безопасности, а также организации эффективной социально-психологической помощи, главным критерием которой будет являться своевременность в связи с масштабами ежегодных потерь для российского общества.

Эмпирический материал для данной статьи собран за период 2011–2014 гг. в процессе консультирования женщин, неоднократно обращавшихся в кризисные центры г. Санкт-Петербурга. Выборку составили 60 женщин в возрасте от 19 до 47 лет (средний возраст 33 года). 42 женщины (70 %) находились в официально зарегистрированном браке, 7 из которых (11 %) – в повторном, 18 женщин (30 %) проживали в гражданском браке. На момент обращения за психологической помощью 16 женщин (27 %) имели высшее образование, 44 женщины (73 %) среднее специальное. Занимались профессиональной деятельностью 48 женщин (80 %), не имели профессиональной занятости и вели домашнее хозяйство 12 женщины (20 %).

Учитывая длительность и аутодеструктивность поведения, с целью изучения психологических особенностей личности с реализованной вик-

тимностью была использована методика комплексной диагностики девиантного поведения, предложенная Е.В. Змановской, модифицированная с учётом специфики исследуемой группы. Психодиагностический комплекс включает: биографический метод, поведенческое интервью; методику оценки предрасположенности к реализации различных форм виктимного поведения (О.О. Андронникова); методику социальной фрустрации, адаптированную в НИИ им. Бехтерева; шкалу социально-психологической адаптированности (СПА) К. Роджерса и Р. Даймонда (адаптация Т.В. Снегирёвой); тест субъективной оценки стиля и структуры межличностных отношений Т. Лири; тест психологических защит «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Г. Келлермана [7, с. 155].

Результаты исследования социальных и личностных виктимных установок с помощью тест-опросника «Склонность к виктимному поведению» показали, что у 52 женщин (87 %) уровень реализованной виктимности превышает показатель 8 стенов, что проявляется в импульсивной внутренней готовности к виктимному способу поведения и высокой частоте критических и конфликтных ситуаций, которые, по мнению женщин, возникают спонтанно. Исследуя предрасположенность к реализации отдельных форм виктимного поведения, следует отметить, что высокие показатели на уровне 7–9 стенов отмечаются по следующим шкалам: склонность к агрессивному (унижающему, оскорбляющему) виктимному поведению отмечается у 23 женщин (38 %), к инициативному (гиперсоциальному) поведению у 14 женщин (23 %), к некритичному (оправдывающему агрессора) поведению у 11 женщин (18 %), пассивному (зависимому, беспомощному) у 28 женщин (47%), самоповреждающему (провоцирующему агрессора) у 8 женщин (13 %). Таким образом, многовариативность виктимных проявлений в исследуемой группе от активных (агрессивных, инициативных) до пассивных (беспомощных, зависимых, некритичных) форм свидетельствует о виктимологическом значении устойчивой ролевой позиции жертвы, порождающей типичные для личности виктимные поведенческие реакции, детерминирующие неадекватные действия при попадании в сходную ситуацию.

Результаты исследования с помощью методики социальной фрустрации (модификация НИИ им. Бехтерева) позволили определить уровень общей неудовлетворённости и неудовлетворённость отдельными сферами социального функционирования. Среднее значение показателя общей неудовлетворённости жизнью по группе в целом – 3,6 балла, что соответствует высокому уровню социальной дезадаптации вследствие неудовлетворения большинства ведущих витальных потребностей. Социальная фрустрированность служит психологической основой для формирования интра- и интерперсональных конфликтов и, следовательно, фактором рис-

ка возникновения пограничных нервно-психических, психосоматических нарушений и поведенческих расстройств аутодеструктивного характера. Распределение показателей по количеству фрустрированных сфер, затрагивающих социальное, экономическое, семейное, профессиональное положение испытуемых, а также благополучие интерперсональных отношений, выглядит следующим образом: фрустрированы три сферы (отношения с супругом, с родителями, положением в обществе) – у 28 женщин (47 %); фрустрированы четыре сферы – у 17 женщин (28 %); пять и более – у 15 женщин (25 %). Отсутствие возможности удовлетворения большинства ведущих потребностей создаёт ощущение неконтролируемости событий окружающего мира, чувство неудавшейся, «несчастной» жизни, которое генерализуется, затрагивая все новые сферы, формируя выученную беспомощность, которая начинает управлять поведением женщины и воспроизводить саморазрушительное взаимодействие.

Исходя из того, что особенности поведения личности тесно связаны с уровнем социально-психологической адаптации, т. е. согласованности требований социальной среды и личностных тенденций, одной из задач исследования детерминант индивидуальной виктимности является определение социальной компетентности с помощью шкалы СПА. Средний индекс социально-психологической адаптированности для исследуемой группы равен – 34.1, полученный показатель относится к зоне низких значений, т. е. свидетельствует о доминирующем состоянии дезадаптации. Также критериями дезадаптированности являются показатели по шкале «неприятие себя» (8.2), «конфликт с другими» (5.4), «эмоциональный дискомфорт» – тревожность, беспокойство или, наоборот, апатия (7.6), «пассивность в решении жизненных задач» (8.8), «зависимость от других» – (4.3), «уход от проблем» (3.3).

В результате использования методики Т. Лири были получены данные о межличностных отношениях и личностных особенностях женщин существенных для интерперсонального взаимодействия в качестве факторов, провоцирующих конфликты. При описании себя («реальное Я») у женщин установлена акцентированность следующих качеств: подчиняемость (13.04), зависимость (14.11), агрессивность (11.62), альтруизм (15.08), подозрительность (7.71), уровень выраженности которых имеет дезадаптивное значение. «Реальный образ» испытуемых сочетает в себе наряду с субмиссивно-покорными качествами, чувством вины, склонностью занимать в интерперсональных контактах пассивно-подчиняемую позицию, перекладывать ответственность, активно искать помощь, сочувствие, опеку со стороны окружающих такие проявления, как вспыльчивость, взрывчатость, непримиримость, недовольство, резкость, критические высказыва-

ния и несдержанность. Суммарное повышение баллов по показателям агрессивности и подозрительности, в соответствии с литературными данными, можно интерпретировать как повышение конфликтности личности в ситуациях межперсонального взаимодействия, которая детерминирована общим недовольством жизнью, недоверием к людям и ожиданием угрозы с их стороны, защитной агрессией и агрессивным поведением [7, с. 145]. Показатели свойств, соответствующих желаемому образу («идеальное Я») распределены следующим образом: авторитарность (4.71), альтруизм (4.95), дружелюбие (5.23), эгоизм (10.62), подчиняемость (4.87), зависимость (5.64), агрессивность (3.75), подозрительность (3.49). Идеальное представление о себе отражает стремление к лидерству, доминированию, независимости, самоуверенности, наряду с уступчивостью, дружелюбием и бесконфликтностью.

Таблица 1

Значимые различия в оценках реального и идеального образа по опроснику Т. Лири

№	Шкала	Реальное Я		Идеальное Я		Значимость различий
		Сред. знач.	Стд. откл.	Сред. знач.	Стд. Откл.	
1	Подчиняемость	13.04	2.096	4.87	0.377	0.001
2	Зависимость	14.11	3.162	5.64	0.434	0.000
3	Агрессивность	11.62	0.671	3.75	1.490	0.001
4	Альтруизм	15.08	4.131	4.95	0.291	0.001
5	Подозрительность	7.71	3.214	3.49	1.753	0.000
6	Авторитарность	4.15	6.832	8.71	3.477	0.001

Профиль виктимного поведения (циркограмма) демонстрирует внутреннюю конфликтность описаний в виде подъёмов по «полярным» диаметрально расположенным шкалам (склонность к зависимости и стремление к самостоятельности; агрессивность, ненависть, отвержение и стремление к эмоциональному принятию, любви). Отсутствие согласованности, преобладание крайних оценок, а также взаимоисключаемость характеристик в структуре личности может детерминировать внутренний и ролевой конфликт, являющийся основой дезадаптивного поведения с аутодеструктивной направленностью.

Изучение структуры и степени выраженности защитного поведения женщин, направленного на уменьшение тревоги (негативных аффектов) и разрешение внутреннего конфликта проводилось с помощью теста психологических защит («Life style index») Р. Плутчика, Г. Келлермана. В группе

исследуемых женщин наблюдается повышение уровня активности (напряжённости) бессознательных защитных механизмов, кроме того, отмечаются изменения в их структуре: снижен удельный вес зрелых защит, таких как рационализация или компенсация. Одновременно с этим повышается удельный вес архаичных защит, профиль психологической защитной структуры в группе женщин с виктимной направленностью выглядит следующим образом: отрицание (71 %), замещение/смещенная агрессия (63 %), проекция (57 %), регрессия (41 %). Для определения степени напряжённости защит (СНЗ) обычно используется суммарный показатель шкальных оценок, который имеет среднее значение для данной группы – 176,5 (максимально возможное значение 249). Высокий уровень активности защитного поведения женщин, находящихся в перманентном состоянии тревоги, которое трансформировалось в свойство личности, говорит об эмоционально-регуляционной дестабилизации, играющей значительную роль в формировании провоцирующего поведения.

В результате кластерного анализа выборка была разделена на две подгруппы (кластер I – 21 женщина (35 %); кластер II – 39 женщин (65 %)), показатели которых имеют значимые различия. Кластер I – «модель активного виктимного поведения» характеризуют достоверные различия показателей по шкалам: склонность к агрессивному поведению ($p = 0,000$), инициативному поведению ($p = 0,001$), самоповреждающему поведению ($p = 0,014$), конфликтность ($p = 0,027$), доминирование ($p = 0,000$), подозрительность ($p = 0,008$). Кластер II – «модель пассивного виктимного поведения» характеризуют достоверные различия показателей по шкалам: склонность к зависимому и беспомощному поведению ($p = 0,009$), склонность к некритичному поведению ($p = 0,002$), непринятие себя ($p = 0,014$), пассивность в решении жизненных задач ($p = 0,000$). Показатели по шкалам, измеряющим уровень социальной фрустрации, эмоционального дискомфорта и напряжённости защитного поведения имеют одинаково высокие значения для обоих кластеров на уровне незначимых различий.

Проведённое исследование показало, что индивидуальная виктимность представляет собой сочетание личностно-психологической и ролевой позиции жертвы, т. е. обусловлена типичными формами поведения в критических и конфликтных ситуациях, которые в большинстве случаев инициируются и воспроизводятся благодаря устойчивой виктимной самостигматизации женщины. Виктимный личностный профиль сочетает в себе как общие характеристики: высокий уровень социальной фрустрации и дезадаптации, конфликтности в межличностных отношениях и напряжённости бессознательных защитных механизмов, так и различные модели с широким диапазоном поведенческих реакций – от активных (аг-

рессивных, инициативных) до пассивных (зависимых, беспомощных). Несмотря на вектор виктимной активности, поведение его носителя обладает провоцирующим и аутодеструктивным эффектом.

Согласно многочисленным литературным данным, психологическая интервенция и психотерапия проводятся с жертвами, уже перенёвшими различные формы насилия, либо непосредственно сразу после события, либо с отсроченными последствиями в виде различных личностных расстройств [5, с. 163]. К сожалению, на современном этапе практически не проводится психотерапевтическая работа с целью профилактики превращения потенциальной жертвы в жертву реальную, или латентной виктимности в виктимность реализованную. Организация системы виктимологической профилактики необходима для выявления и устранения факторов виктимизации в процессе социализации, обеспечения правового и психологического сопровождения потенциальной жертвы, развития и активизации собственных защитных возможностей, построения адекватных межличностных отношений.

Литература:

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Волкова В.В. Феномен виктимного поведения // Ученые записки Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы. Вып. 2., Том 14. СПб, 2010. С. 57–62.
3. Змановская Е.В. Девиантология: Психология девиантного поведения: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2006. 288 с.
4. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы: учебное пособие. СПбю: Питер, 2010. 352 с.
5. Малкина-Пых И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы: новейший справочник психолога. М.: Эксмо, 2010. 864 с.
6. Малкина-Пых И.Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях: новейший справочник психолога. М. Эксмо, 2008. 928 с.
7. Профилактика и разрешение социальных конфликтов: коллективная монография под ред. Змановской Е.В. 2011. 270 с.
8. Сысенко А.В. Супружеские конфликты. М.: Финансы и статистика, 2008. 342 с.
9. Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. СПб., 2000. 332 с.
10. Walker Lenore E. The battered woman syndrome. New York: Springer, 2000. 338 p.